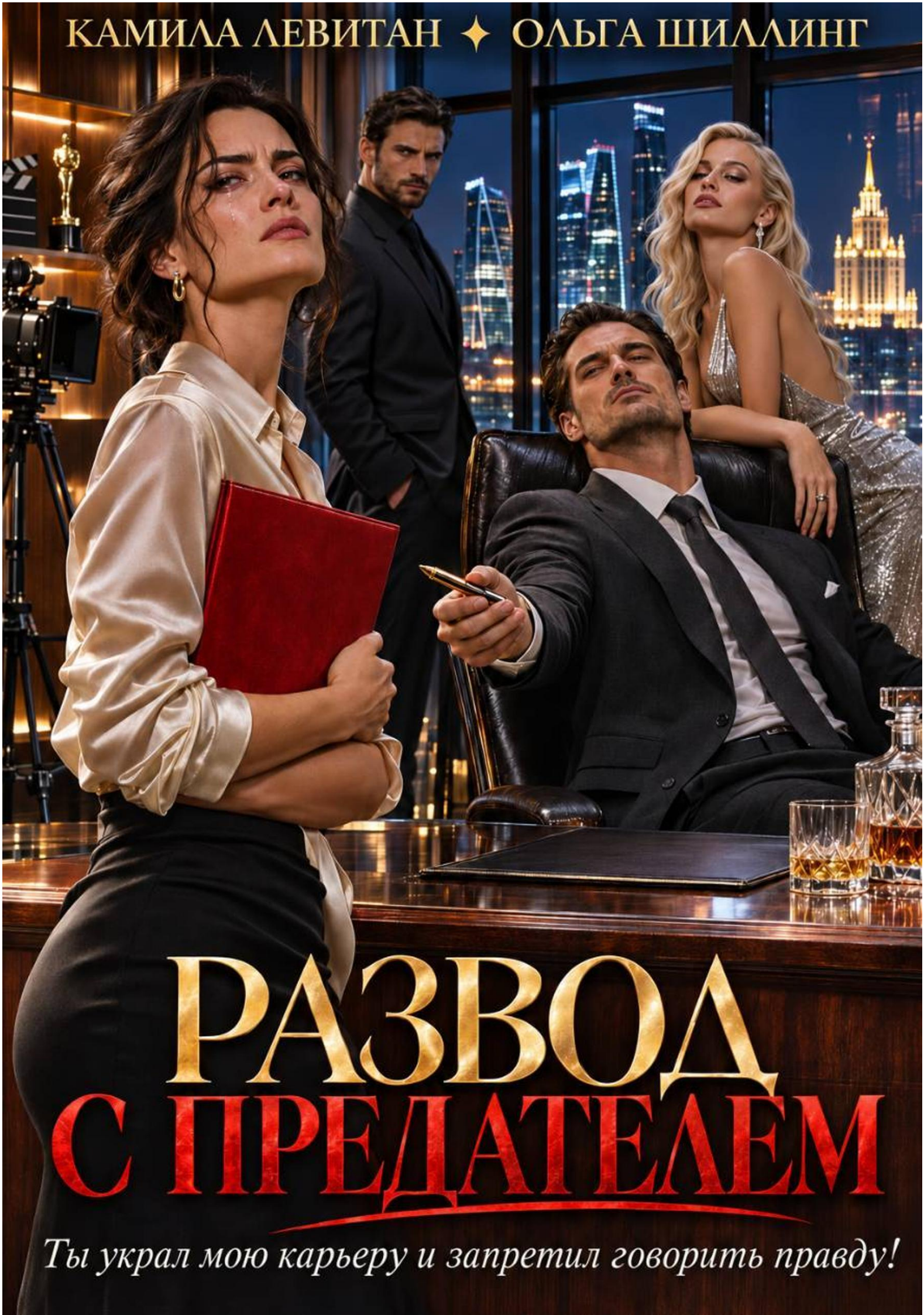

КАМИЛА ЛЕВИТАН ✦ ОЛЬГА ШИЛЛИНГ
РАЗВОД С ПРЕДАТЕЛЕМ
Ты украл мою карьеру и запретил говорить правду!

Ольга Шиллинг

Развод с предателем. Ты украл мою карьеру и запретил говорить правду!

«Автор»
2026

Шиллинг О.

Развод с предателем. Ты украл мою карьеру и запретил говорить правду! / О. Шиллинг — «Автор», 2026

Десять лет я создавала фильмы, за которые награды получал мой муж. В день его очередного триумфа Денис потребовал подписать договор: если я расскажу правду об авторстве, заплачу сто миллионов рублей.Он заблокировал мои счета, выгнал из дома и отдал мою работу молодой любовнице. Я осталась без денег, имени и права говорить.Но у меня сохранились исходники, записи и доказательства, которые могут полностью уничтожить его репутацию.Помочь предлагает Виктор Красский — влиятельный продюсер, которого боится сам Денис. Только у него тоже есть опасные секреты.Я верну себе собственные фильмы, имя и свободу. А предатель узнает, как дорого стоит украденный женский талант.

© Шиллинг О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Камила Левитан, Ольга Шиллинг Развод с предателем. Ты украл мою карьеру и запретил говорить правду!

Глава 1

Запах трюфелей и дорогого парфюма бил в ноздри, густой, удушливый, как вата. В зале «White Rabbit» разговаривали вполголоса; даже официанты подбирались к столам так осторожно, что я замечала их лишь по появившейся тарелке. Я сидела напротив Дениса, выпрямив спину, хотя мышцы сводило судорогой. Он разговаривал с кем-то за соседним столиком, не глядя на меня. Его улыбка была идеальной, отполированной до блеска. Этой улыбкой он встречал инвесторов, обнимал министров и смотрел в объективы камер после вручения премий.

— Алина, ты слишком бледная для камеры, — бросил он, даже не повернув головы. Пальцы Дениса крутили ножку бокала с вином, перекатывая рубиновую жидкость. — Выпей еще. Или съешь что-нибудь. Гостям неприятно смотреть на труп жены владельца холдинга.

Во рту пересохло; я отпила вина, прежде чем решилась заговорить. Сегодня должен был быть наш вечер. Десять лет вместе. Десять лет, в течение которых я стирала его носки, проверяла его сценарии, монтировала черновики его документальных фильмов по ночам, пока он спал рядом со мной. Сегодня ему должны были вручать продюсерский «Золотой Медиа-Байт» за фильм «Тени мэрии». Фильм, который сняла я. Который написала я. Который я вылизывала до состояния хирургической точности, пока Денис кутался в пиджаки и давал интервью, приписывая себе каждый кадр.

— Денис, — начала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Когда ты будешь подниматься на сцену… может, упомянешь команду? Редакторов? Тех, кто помогал с архивами?

Он наконец посмотрел на меня. Взгляд был холодным, оценивающим, как у продавца, взвешивающего товар перед списанием брака.

— Команда? — хмыкнул он. — Там будут акционеры, Алина. И партнеры. Какие-то мелкие технические детали не нужны публике. Публике нужна история великого режиссера. Моя история. Не усложняй.

В этот момент к нашему столу подошла она. Кира Соловьева. Двадцать шесть лет, платиновые волосы, уложенные в небрежный пучок, и глаза хищницы, почуявшей кровь. Она держала в руках планшет и выглядела так, будто ей принадлежал весь этот зал, включая Дениса.

— Денис Александрович! — ее голос звенел, как колокольчик. — Мы закончили правки к вашему интервью для журнала. Я добавила тот нюанс про «копать глубже», который вы любили. Помните? Из того вашего старого проекта?

Я замерла. «Копать глубже». Это была моя фраза. Мой девиз, придуманный три года назад, когда мы работали над материалом о коррупционных схемах в мэрии. Я писала эти строчки в блокноте, лежа на полу гостиной, потому что диван был занят Денисом, играющим в приставку.

Денис расплылся в широкой, почти отеческой улыбке.

— Отлично, Кира. Ты всегда чувствуешь мой стиль. Именно то, что нужно для нового имиджа.

Они переглянулись. В этом взгляде было такое интимное понимание, такое теплое, домашнее соучастие, что мне стало физически тошно. Они говорили о моей работе, о моих словах, о моей боли, как о чем-то общем, привычном. Кира даже не повернула ко мне планшет.

Денис обсуждал с ней мои строчки, пока я сидела напротив с недопитым вином. Ни один не спросил, что я об этом думаю.

Я почувствовала, как внутри поднимается волна жара. Гордость требовала встать, швырнуть бокал в лицо этой наглой блондинке, закричать, что текст писал не он, а я. Что я видела каждый исходник, каждую запись свидетелей, которые он потом «случайно» потерял. Но ноги приросли к полу. Страх перед публичным унижением сковывал горло. Без этого брака у меня не было ни дома, ни денег, ни имени. Я была никем без фамилии Громовой.

— Простите, — сказала я, натягивая улыбку, которая ощущалась как маска из липкого пластилина. — Мне нужно в туалет. Передышка.

Денис даже не моргнул.

— Хорошо. Жду тебя в кабинете через час. У нас важный разговор.

Кабинет Дениса находился на последнем этаже бизнес-центра, откуда Москва открывалась как игрушечный город. За стеклом шумели машины, но здесь царил вакуум тишины. Я вошла ровно в назначенное время. Денис сидел за столом, перебирая бумаги. На столе лежала тонкая папка. Красная. Цвет предупреждения.

— Садись, — приказал он.

Я села. Холодное кожаное кресло скрипнуло.

— Это техническая необходимость, — начал он, не поднимая глаз. — Холдинг проходит аудит интеллектуальной собственности. Нам нужно обновить соглашения с персоналом. Включая близких родственников.

Он протянул мне ручку. Золотую. Тяжелую.

Я открыла папку. Текст был мелким, юридическим, сухим, как песок в пустыне. Я читала, цепляясь за ключевые фразы. «Соглашение о неразглашении». «Интеллектуальная собственность компании». «Право на судебное преследование».

И вдруг я увидела пункт 4.2. Сердце пропустило удар, а затем заколотилось где-то в горле.

«Любое публичное или частное утверждение об авторстве, соавторстве или непосредственном участии лица, подписавшего данный договор, в создании медиапродуктов компании (включая документальный проект «Тени мэрии»), будет расцениваться как клевета против деловой репутации правообладателя и повлечет за собой возмещение ущерба в размере не менее ста миллионов рублей, а также уголовную ответственность по статье о распространении ложных сведений».

Руки затряслись. Ручка выпала из пальцев и покатилась по столу, оставив черную полоску на белоснежной бумаге.

— Ты читал, что здесь написано? — спросила я, голос сорвался на шепот. — Денис, ты понимаешь, что это значит? Это значит, что если я скажу хоть слово о том, кто реально снимал этот фильм, я стану преступницей.

Денис поднял голову. Его лицо было абсолютно спокойным. Ни тени смущения. Ни капли вины. Только расчет.

— Это значит, что ты должна молчать, Алина. Как ты молчала все эти годы. Просто теперь это закреплено юридически. Ты выполняла работу. Я финансировал. Я руководил. Следовательно, идея моя. Таковы правила игры. Подпиши, и проблема исчезнет.

— Я не подпишу.

Это вырвалось само. Слово «подпиши» повисло в воздухе, тяжелое, как камень.

Денис вздохнул. Раздраженно. Как человек, которому помешали обед.

— Ты ошибаешься в выборе тона, дорогая. Давай вспомним, где ты живешь. Дом на Патриках оформлен на мою мать. Твоя кредитная карта заблокирована полчаса назад. По заявлению службы безопасности холдинга. Повод: подозрение в утечке данных.

Меня затошнило. Мир качнулся.

— Ты... ты блокируешь мои счета?

— Я защищаю активы компании от некомпетентного сотрудника, который мог случайно передать файлы конкурентам, — он говорил это ровным, деловым тоном, словно обсуждал отчетность. — Если ты не подпишешь этот NDA, юристы подадут иск прямо сейчас. Не завтра. Сейчас. До полуночи.

Он достал телефон и развернул экран ко мне. Скриншоты переписки с адвокатской конторой. «Готовы подать ходатайство о немедленном запрете на любые контакты Алины Ветровой с внешними партнерами».

— Денис, зачем тебе это? — спросила я, чувствуя, как слезы жгут глаза, но не дают им упасть. Стыдно плакать перед ним. Перед этим куском льда. — Мы же семья.

— Семья — это бренд, Алина. А ты стала балластом. Ты слишком много знаешь. Слишком много помнишь. Мне нужно, чтобы ты исчезла. Из моего бизнеса. Из новостной ленты. Из памяти людей. Ты должна стать пустотой.

Его глаза сузились. В них не было ненависти. Было отвращение. Отвращение к чему-то грязному, что прилипло к обуви.

— Подпиши, и я сохраню тебе алименты на два года. Откажешься — и ты не найдешь работу нигде в Москве. Ни в одном медиа. Ни в одной школе. Я сделаю так, что имя Алина Ветрова будет ассоциироваться с предательством и воровством. Ты будешь никем. Абсолютно никем.

Тошнота поднялась к горлу комом. Я еще могла представить, как живу без Дениса. Но кому позвонить, если он закроет передо мной каждую редакцию? Где ночевать сегодня? Он ждал, пока я переберу эти вопросы и сама потянусь к ручке.

Дрожащими пальцами я подобрала ручку со стола. Чернила казались мне кровью. Я поставила подпись. Неровную, косую, как шрам.

— Умница, — сказал Денис, забирая папку. Он не посмотрел на меня больше. Даже не поблагодарил. Просто отвернулся к окну, наблюдая, как загораются огни города.

Я сидела, ожидая, что он скажет что-то еще. Может быть, извинится? Может быть, предложит воды? Но вместо этого он обернулся, и его лицо изменилось. Исчезла деловая скука, появилась хищная, ледяная заинтересованность.

— Кстати, Виктор Красский звонил сегодня, — произнес он спокойно, будто между делом.

Я вздрогнула. Имя Виктора Красского было запрещено в нашем доме. Независимый продюсер, серый кардинал индустрии, человек, который мог одним звонком разрушить карьеру любого олигарха. И человек, который несколько месяцев назад присылал мне сообщения с просьбой встретиться и обсудить права на сиквел «Теней мэрии».

— Он знает, что ты держала исходники, Алина, — продолжил Денис, подходя ближе. Его шаги гулко отдавались в пустом кабинете. — Он знает, что у тебя есть доступ к архивам. К тем самым файлам, которые я «случайно» удалил из корпоративного облака.

Я замерла, забыв дышать.

— Если ты хоть пиксель покажешь ему, — Денис наклонился к моему лицу, и я почувствовала запах его мятной жвачки и табачного дыма, — я скажу полиции, что ты украла архивы холдинга. Ты будешь сидеть в СИЗО. Долго. А он купит права у меня. Чисто. Легально.

Красский мог вернуть мне имя — поэтому Денис и пугал меня СИЗО. Сам он продаст ему права, пожмет руку, получит деньги. А я должна буду сидеть тихо, чтобы не сорвать сделку. Даже теперь, когда меня выгоняли, от моего послушания собирались получать прибыль.

Я вцепилась в край кресла. Хотелось снова сказать «не подпишу», хотя папка уже была у него. Забрать ее, перечеркнуть подпись. Денис следил за моим лицом, и я заставила себя разжать пальцы. Он не должен был знать, о чем я думаю.

— Поняла, — прошептала я.

Денис усмехнулся. Победно.

— Вот и хорошо. А теперь иди. Тебя ждут гости. Улыбайся. Ты жена героя вечера.

Глава 2

После возвращения в ресторан я досидела вечер с улыбкой на лице. А потом вышла в зимнюю ночь Москвы. Мороз ударил в лицо, обжигая кожу, но внутри было холодно иначе. Под пальто было тепло, а меня всё трясло. Я застегнула верхнюю пуговицу и промахнулась петлей.

Фонари отражались в мокром асфальте желтыми пятнами. Люди спешили мимо, закутанные в шубы, смеющиеся, живые. Женщина рядом на ходу смеялась в телефон. Я отвернулась: сейчас даже этот смех было трудно вынести.

Телефон в кармане вибрировал. Один короткий толчок.

Я остановилась посреди тротуара, чувствуя, как ветер рвет полы пальто. Вынула аппарат. Экран светился тусклым синим светом.

Неизвестный номер.

Сообщение состояло из одного слова:

«Слышал».

Я подняла голову. В витрине бутика напротив я увидела свое отражение. Женщина с бледным лицом, потухшими глазами и осанкой приговоренной. Но что-то изменилось. В уголках губ, еще минуту назад сжатых в скорбную гримасу, мелькнула странная, почти звериная линия.

Я снова прочитала «Слышал». Кто-то всё-таки слышал. Убрала телефон поглубже в карман и прижала к нему ладонь: я сохраню этот номер, даже если Денис велит удалить.

Ключ уперся в замок. Прежде он открывался с лёгким щелчком — с того дня три года назад, когда мы переезжали в эту квартиру. За три года я привыкла открывать эту дверь, не глядя. Теперь поворачивала ключ осторожно, боясь, что соседи выйдут посмотреть, почему меня не пускают. Дверь открылась прежде, чем я успела нажать звонок. Не Денис. Два охранника в черных пальто, широкие плечи которых загораживали весь свет из коридора.

— Хозяйка дома не ожидает гостей, — один из них сказал это так, будто читал инструкцию по эксплуатации робота-пылесоса. Голос ровный, без интонаций.

— Я Алина Ветрова. Мне нужно забрать вещи, — мой голос дрогнул, и я возненавидела себя за это. Прикусила щеку, чтобы не попросить еще раз, жалобнее. Во рту появился медный привкус.

— Теперь здесь живет Кира Сергеевна Соловьева. Вы нарушаете неприкосновенность частной жизни. Если вы не покинете порог в течение минуты, мы будем вынуждены вызвать полицию.

Я замерла. Кира? Та самая блондинка с кукольными ресницами, которая на прошлой неделе писала о «смелости и честности» нашего общего расследования? Вчера Денис твердил, что жилье оформлено на его мать. Сегодня меня уже выгоняли от имени Киры. Они распоряжались домом, а я даже не знала, кто теперь держит документы.

Охранник выставил на площадку мой чемодан и мягко, но неотвратимо подтолкнул меня к лестнице. Я споткнулась о коврик и ударилась коленом о ступеньку. За плечом охранника мелькнуло лицо Киры — она стояла с бокалом шампанского и смотрела на меня сверху вниз. Не злобно. Скучающе. Как на муравья, который случайно залез в раковину.

На улице минус двадцать. Воздух резал легкие, как битое стекло. Я достала телефон, руки дрожали так сильно, что экран скользил. Банковское приложение высветило красный круг: «Карта заблокирована». Денис уже назвал причину: запрос службы безопасности холдинга Громовых. Это было сделано не после подписания NDA, а за полчаса до этого. Превентивный удар. Денис хотел, чтобы я вышла из этих дверей абсолютно голой и беспомощной. Ни рубля на такси. Ни копейки на хлеб.

Маша. Старая подруга, коллега, человек, который обещал быть рядом всегда. Я набрала её номер. Первый гудок. Второй. Третий. Сброс. Через минуту пришло сообщение: «Прости, Аля. У меня муж дома, он категорически против контактов с людьми из твоего круга. Не звони больше».

Я перечитала «Не звони больше». Уже набрала «Мне только переночевать», но стерла. Она ведь даже не спросила, где я сейчас.

Чемодан был тяжелым. Черный, кожаный, подарок на десятилетие брака. Сейчас он тянул меня вниз, словно я тащила собственное тело к могиле. Метро было в двухстах метрах, но переход через проезжую часть превратился в пытку. На ступеньках у входа в метро колесико чемодана заклинило. Рывок. Щелчок. Чемодан распахнулся, вываливая содержимое прямо в грязный, серо-белый снег.

Белье, книги, косметичка... И папка. Та самая, синяя, с надписью маркером «Тени мэрии. Черновики v1». Бумаги рассыпались вокруг меня белыми крыльями. Люди обходили лужицу моих документов, не глядя вниз. Никто не остановился. Для них я была просто женщиной, которая потеряла контроль.

Я бросилась на колени, хватая мокрый картон. Страницы слиплись. Чернила потекли, размывая имена коррупционеров, которые я собирала пять лет. Текст стал нечитаемым. Мой голос стирали вода и грязь. Я рыдала, не издавая звука, пока не онемели пальцы. Холод проникал сквозь ткань джинсов, кусая кожу. Собрала бумаги вместе с бельем, запихнула обратно и прижала крышку чемодана. Только после этого смогла подняться.

Гостинка «У Зины» находилась в районе, где фонари горят через один, а подъездные двери не запираются. Баба Зина, женщина с лицом, иссеченным морщинами как трещинами на льду, посмотрела на мои наличные — мелочь, найденная в старом кармане пальто.

— За угол? Три тысячи вперед, паспорт и регистрация, — она говорила быстро, механически.

— У меня нет паспорта. Он остался... там. Но деньги есть.

Баба Зина включила телевизор, висевший на стене кухни. Новостной сюжет. «Известная телеведущая подозревается в краже интеллектуальной собственности и шантаже». Лицо Дениса на экране улыбалось победно. Потом крупный план Киры, дающей интервью: «Истина должна торжествовать, даже если ради этого приходится жертвовать личными отношениями».

Зина выключила звук. Посмотрела на меня. В её глазах не было жалости, только животный страх перед скандалом. Перед тем, как её дом могут закрыть или оштрафовать.

— Паспорт нужен, дочка. Без паспорта никак. Не пущу.

— Я заплачу. Просто ночлег. Одна ночь.

— Вон.

Дверь захлопнулась перед моим носом. Запах борща и табачного дыма исчез, сменившись запахом мочи и сырости подъезда. Я свернулась клубком на холодном кафельном полу соседнего дома, подложив под себя журнал с рекламой недвижимости. Голова болела от холода, зубы выбивали дробь, которую слышал каждый этаж. Я лежала там, слушая, как капает конденсат с потолка, и думала, что, возможно, завтра меня найдут мертвой. И никто не напишет об этом новости. Денис наверняка и тогда назовет это моей выходкой. А Сергей согласится: с Алиной вечно были проблемы.

Под утро я всё-таки нашла хостел, где согласились пустить меня без паспорта за последние наличные. Денег, которые не взяла Зина, хватило на одну ночь. В комнате я достала из чемодана ноутбук и подключилась к бесплатному Wi-Fi. Когда разложила мокрые книги на батарее, из старого чехла между ними выпал паспорт. Охрана сунула его туда вместе с вещами. Я провела пальцем по обложке и убрала документ в сумку: обратно за ним идти не придется. Фриланс-биржи были последним шансом. Редакторы, бывшие начальники, знакомые режиссеры.

Первый ответ пришел от Сергея, моего бывшего шефа по новостям. SMS: «Денис сказал, если я возьму у тебя хоть одну строчку, я потеряю контракт с его каналом. Извини, Алин. Бизнес есть бизнес».

На первой бирже аккаунт заблокировали с формулировкой «нарушение правил сообщества». На второй — удалили администраторы. После ответа Сергея я еще час рассылала предложения. Где-то соглашалась на половину обычной ставки, где-то — на любую срочную работу. В ответ приходили отказы или ничего. Денису хватило нескольких звонков; я сидела перед ноутбуком и уже боялась открывать следующее письмо.

В дверь комнаты постучали. Ровно три раза. Я вздрогнула. Полиция? Коллекторы? Кира, решившая добить раненого зверя?

Открыла. Коробка. Обычная картонная коробка, перевязанная черной лентой. Курьер молча протянул её мне и ушел, не дожидаясь расписки.

Я закрыла дверь, прислонившись спиной к холодной стене. Сердце колотилось где-то в горле. Внутри коробки лежал мой старый диктофон. Тот самый, Sony PCM-D100, который я считала потерянным три года назад. Вместе с ним — флешка с металлическим корпусом. И записка. Почерк был жесткий, угловатый, без лишних украшений.

«Молчание стоит дорого. Твои слова стоят дороже. Приходи. Адрес внутри».

Подпись отсутствовала, но я знала этот почерк. Виктор Красский. Человек, который покупал не контент, а компромат. Человек, от которого шарахались все медиа-магнаты, включая Дениса.

Я перебирала содержимое коробки, снова и снова возвращаясь к записке. Еще час назад я просила любую работу. Теперь меня звали из-за моих слов. Красскому нужны были архивы, а разобраться в них без меня было бы куда труднее: я помнила каждый кадр, каждую секунду, каждое слово.

Я включила диктофон и нажала запись. Экран засветился в полутьме номера. Красный индикатор подтвердил: мой голос он сохранит.

Я назвала дату и свое имя. Получилось хрипло. Откашлялась и повторила: «Алина Ветрова». Диктофон не возражал и не требовал подписи.

Я посмотрела на свое отражение в темном стекле телефона. Осунувшееся лицо, синяки под глазами, волосы, сбившиеся в сосульки. Я разглядывала себя, прикидывая, как явлюсь к Красскому. Нужны чистые волосы. И надо перестать сутулиться, будто я заранее прошу прощения за то, что пришла.

Я улыбнулась. Первый раз после того вечера. Губы потрескались, улыбаться было больно. Всё равно я не сразу смогла остановиться: Денис приказал мне молчать, а его конкурент уже ждал меня.

Виктор Красский не предлагал спасения. Он предлагал сделку с дьяволом, более опасным, чем мой бывший муж. Я не собиралась благодарить его за спасение. Сначала покажу, что у меня есть. Потом спрошу, что он даст взамен. И постараюсь не думать о том, куда пойду, если мы не договоримся.

Адрес в записке вел в старый промышленный кластер на севере Москвы. Место, где архивы хранят лучше, чем банки хранят золото.

Флешку я проверила на ноутбуке: черновики, исходники, расшифровки. То, что Денис называл удаленным архивом. Потом убрала её и диктофон в карман пальто. Холодный корпус оттягивал карман, как обещание. Или угроза.

Разницы больше не было.

Глава 3

В лофте Виктора Красского пахло озоном и дорогим табаком. Он слышал, как я вошла, но продолжал листать бумаги. Я стояла посреди пустого бетонного зала, не зная, подойти к нему или ждать, пока позовет. Сколько он собирается держать меня у входа? Воротник моего пальто колол шею, но я не пошевелилась. Виктор сидел за длинным столом из необработанной древесины, перебирая документы. Он даже не поднял глаз. Это была проверка на прочность, и она бесила до дрожи в коленях.

— У вас три минуты, Ветрова, — наконец произнес он, не отрываясь от бумаг. Голос был низким, бархатным и холодным, как лезвие скальпеля.

Я молча подошла к столу и шлепнула перед ним флешку. Металлический корпус щелкнул по дереву.

— Черновики «Теней мэрии», — сказала я. — Исходники монтажа, расшифровки интервью, которые Денис присвоил себе. То, чего вы не сможете купить у его новой блондинки Киры.

Виктор медленно поднял голову. Его серые глаза сузились, сканируя моё лицо. Не сочувствуя. Оценивая вес товара.

— Подписанная рабыня Громова приходит ко мне с краденым? — усмехнулся он, и эта усмешка была страшнее крика. — Знаете, Алина, я могу прямо сейчас позвонить адвокату Дениса. Денис прикроется NDA, а обвинять будет в краже архивов. Вы слышали, чем он грозит. Вы готовы рискнуть свободой ради правды? Или это просто дешевый театр для бедной девочки, потерявшей всё?

Мои пальцы рефлекторно сжались в кулаки, ногти впились в ладони. Боль помогла собраться.

— Я готова, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Меня вышвырнули, когда я пыталась войти в свой собственный дом. Заблокировали карту. Отрезали от работы. Я уже потеряла всё, кроме гордости. И я знаю, что вы ждали этого момента годами. Не делайте вид, что удивлены.

Виктор перестал улыбаться. Я ждала, что он напомнит мне, кто здесь хозяин. Он положил бумаги на стол и впервые заговорил без усмешки.

— Гордость — роскошь для тех, кто сыт, — тихо сказал он. — Вот условия. Публичное отречение. Завтра в ваших соцсетях должно появиться заявление: «Я была лишь помощницей режиссера, автором является Громов». Только после этого я дам вам доступ к серверу. Если откажетесь — вы останетесь без имени навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.